

Разбойник-купец

В царстве императрицы Екатерины Второй в городе Питере купец торговал. Семейство у него было — сын, дочка да жена. Четыре человека. Сын был Дмитрий Иванович, дочка Елена Ивановна. Торговал он, да и заболел. Велит подать счета и давай имущество сосчитывать. Насчитал тридцать шесть тысяч, которые в товарах, которые деньгами. Жене говорит: «Двенадцать тысяч тебе, двенадцать тысяч дочке в приданое, двенадцать тысяч на похороны». А сыну только три слова дает: «Не ходи дорогой-проселком, иди почтовой. Не ходи к тому в услужение, кто зовет, а к тому, кто не хочет. Имей всегда в кармане спичку и свечку».

После этого он помер. А сын шибко обиделся: «Я, — говорит, — у вас торговать не буду! Наторгуешь — чужое и проторгуешь — чужое».

Вот и пошел он в Москву. Идет день, идет другой, идет неделю. Вот проселком-то пятнадцать верст, а почтовой двадцать пять. А ему хочется в Москву попасть. Отцово наставление забыл, да и пошел проселком. Четыре часа шел, лес все густеет. Пришла ночь, а он в лесу диком. Залез он на высокое дерево — засмотрел огонь. И пошел на огонь. На поляне огонь горит, у костра старик — зеленый и молодой человек в зеленой одежде ходит и телега с лошастью. Думает: «Ведь разбойники». — «Здравствуй, — говорит, — дедушка!» — «Здравствуй, молодец. Присядь, отдохни».

Сесть надо: не своя воля — в гостях. Те его расспрашивать — он все и рассказал. Вот старик говорит: «Митя, время поужинать».

Тот вытащил на две персоны пирог в белом тесте. Старик говорит: «Дурак, а гостю-то?» Тот третий доставает. Заставляют его пить. Выпил он. Старик говорит: «Митя, давай сюда добычу делить».

Тот мешок денег достает, на две кучи делит. Старик говорит: «Дурак, а гостю-то?»

Разделили на три кучи, заставили его взять. А он просит: «Покажи дорогу». — «А вон куда мордой лошадь стоит, там и дорога».

Он взял, кругом обошел, под тележку сел и слушает. Молодой говорит: «Дурак ты! Сколько мы ездили, людей грабили, а ты ему отдал». — «А ты, —

говорит, — в телегу сел, убил да все достал».

Тот поехал, да не догнал: этот спрятавшись.

В Москву Дмитрий Иванович пришел, стоит рассматривает. Идет молодой человек в хорошем платье. Циммерманова шляпа на голове (прежде такие носили шляпы на пружинах). «Ну, — говорит, — ты не здешний, а у меня двенадцать лавок, двенадцать подручных да двенадцать приказчиков, иди ко мне служить».

А тому все кажется, что это молодой из лесу. Однако пошел. А тому все кланяются: «Здравствуйте, [Иван] Иванович».

Идут они, идут, а все дома нет. Да вот особняк стоит. Постучался он. Сторож ржавым ключом отомкнул. Во дворе две собаки злые. Пришли они в гостиную — ковры, лавки (прежде мебели не было, а лавки). Вдруг входит старик в богатом халате в позументах. Тот самый, что в лесу был. Чай попили, позавтракали. Лег он на лавку отдохнуть. В два часа стали обедать. Ему кубок вина налили. Он говорит: «Пить — у меня такого положения нет, я раз в год такое положение допускаю».

Но выпил, с дороги да с усталости. Старик ему: «Митя, иди погулять; только к шести часам приходи, у нас калитка на запоре».

Пошел он да всех расспрашивает: «Не знаете ли их?» — «Как не знать, у него хорошо служить».

А все у него подозрение, что это те. В шесть часов пришел домой и видит тридцать шесть человек приказчиков, мальчиков да подручных. Поужинали. «Ваня, — говорит старик, — отведи его спать».

Пошли спать по лестнице узкой да высокой. Пришли в комнату, там полная комната девушек: «Выбирай себе любую». Что делать? «Вот эта, — говорит, — мне нравится». — «Ну, — говорит, — Елена, иди».

Та свернулась и пошла. Шли-шли, в комнату хорошую пришли. Дверь тяжелая, а палица около дверей стоит. Слышит он: «Дмитрий Иванович, не спи, не время».

Глядит, а девушки нет. Свечку, спички достал — глядит, а двери нет. Полулюк нашел. Спустился, а там двенадцать сынов купецких лежит убитых. Взял он одного в свою одежду одел, деньги свои оставил, на кровать к себе положил, а сам в люк.

Пришли двое. Сын говорит: «Сегодня я буду бить». Схватил палицу и как хватать! «Вот как я бью! У тебя небось ногами дрыгают!»

Схватил тело и бросил в люк. Ушли они. Тот вышел из подвала и стал дверь искать. Нашел потайную дверь на лестницу к девушкам. Которая у них плачет, которая песню поет, двенадцать всего девушек. Одна печальная, голову повесила: «Какого, — говорит, — человека сегодня наши поймали! Не курит, не пьет. Если бы спасти его!»

А он и вошел. Они его под кровать и спрятали. Он там жил от Маковеева дня до Иван-богослова. Девушки говорят: «В Иванов день будут ворота открыты, будет хозяин именинник, и мы тебя справим». Елена ему наказывает: «У моего отца есть лавка. В девять часов он лавку отпирает. Противу лавки крест висит. Как помолится отец, упади в ноги и просись в услужение. Если будет прогонять, ты ног не отпускай, все проси».

Утром в Иванов день ворота были открыты, он и ушел. Пришел в ряды, нашел крест. Стал купец в девять часов открывать, он ему в ноги пал. Тот его гнать, а он ноги не отпускает: «Хоть на три дня да возьмите». — «Ладно, — говорит, — иди в лавку».

Хозяин начал его расспрашивать. Он все рассказал. Купец ему поверил. Он начал торговать. Тот ему и прейскурант дал. Как стали торговать, так хозяин только деньги загребал. Хозяин его все хвалит.

Торгует он всю зиму. Вот приходит двадцать первое мая — [день] Елены и Константина. «Мы, — хозяин говорит, — сегодня торговать не будем. У меня дочь была, я по ней память справляю».

Вот приглашения разнесли и письма ко всем посылают. И к Ивану Федоровичу, тому купцу. Тот просит, чтобы сказочник был. Что делать? А молодец говорит: «Не беспокойся: купи парик, одежду, я расскажу сказку. Не пожалей сто рублей, пригласи жандармского полковника и несколько солдат. Если не пригласишь, я рассказывать не буду».

Так и вышло. Начался пир. Все подвыпили. «Ну, — тот спрашивает, — сказочника приготовил?»

Молодец приделся да и сел за стол. Горбатый да седенький. И полковник сидит за столом. Рассказывал одну, две, три — понравилось. «Ну, знаешь ли еще?»

Он все и рассказал, как в лесу разбойников повстречал, как они в городе за купцов ходили, как они его наняли, как в комнату привели, как он люк нашел и рассмотрел пол окровавленный, окон нет... Сын взял и зарезал себя ножом. Всех их скрутили и туда повезли. Дом оцепили. Прикалитку сломали. На двор зашли. «Видите, — говорит, — собаки какие! Ломайте эту дверь».

Сломали, а в горнице вместо окон глухие ломанеи. Люк он показал. Тела вытащили. Кто кричит: «брат мой!», кто — «сын мой!» — «Теперь, — говорит, — и обрадую».

По узенькой лесенке привел, девушек нашли и купецкую дочь. Купец и предложил им пожениться. Поженился он на ней и все купецкое богатство получил.

Вот как.

(Зап. от Ф. Е. Никитина, д. Косъм-озеро в Заонежье.)

Сказки и предания Северного края. Запись, вступ, ст. и коммент. И. В. Карнаухова. Л., 1934.